Вадим Вацуро
о Лермонтове

SHOUT
SHARE IT

Annotation

Книга Э. Г. Герштейн «Судьба Лермонтова» не нуждается в специальных рекомендациях. Это — явление советской литературоведческой классики, одна из лучших книг о Лермонтове, которые созданы в мировой науке за все время существования лермонтоведения. Каждая глава в этой книге — открытие, опирающееся на многолетние разыскания автора, причем открытие, касающееся центральных проблем социальной биографии Лермонтова.

- Отзыв на рукопись Э. Г. Герштейн «Судьба Лермонтова»
  -
  -

Отзыв на рукопись Э. Г. Герштейн «Судьба Лермонтова»

Книга Э. Г. Герштейн «Судьба Лермонтова», предлагаемая ныне в переиздании в дополненном виде, не нуждается в специальных рекомендациях. Это — явление советской литературоведческой классики, одна из лучших книг о Лермонтове, которые созданы в мировой науке за все время существования лермонтоведения. Каждая глава в этой книге — открытие, опирающееся на многолетние разыскания автора, причем открытие, касающееся центральных проблем социальной биографии Лермонтова. Только после работ Э. Г. Герштейн прояснились отношения Лермонтова с двором, с оппозиционными кружками аристократической молодежи («Кружок шестнадцати»), стала ясна социальная подоплека дуэли с Барантом и последней дуэли Лермонтова, вскрыты в своем принципиальном качестве его многообразные личные и литературные связи и т. д. и т. п., — другими словами, без этих работ не существовало бы современного научного понимания биографии поэта как биографии социальной, как факта национальной истории и культуры. Педагогическое значение этой книги неоценимо; она противостоит многочисленным псевдопопулярным статьям и книгам как явление подлинной, большой науки, с ее уважением к факту, исключительным по тонкости проникновением в общественный быт лермонтовской эпохи, обоснованностью и доказательностью выдвинутых положений и осторожностью гипотез. Она вызывает споры, потому что говорит о проблемах новых, чаще всего малоразработанных и потому что отличается подлинно научной смелостью и оригинальностью мысли. Первое издание этой книги, вышедшее в 1964 году, сразу же было оценено печатью и научной и читательской общественностью как явление выдающееся, хотя работы Э. Г. Герштейн, вошедшие в «Судьбу Лермонтова», в большинстве своем к этому времени уже прочно вошли в оборот. Первое издание этой книги сейчас уже совершенно недоступно, необходимость переиздания ее ощущалась сразу по выходе, и то, что сейчас оно, наконец, осуществляется, нельзя не приветствовать. Заметим при этом, что издательство «Советский писатель» закономерно взяло на себя эту инициативу: «Судьба Лермонтова» — факт столько же науки, сколько писательского мастерства: книга отличается своим ярко выраженным литературным стилем, изяществом языка и увлекательностью сюжетных построений. Без преувеличения

можно сказать, что «Судьба Лермонтова» — одна из наиболее «читательских» книг в нашей научной литературе.

По сравнению с первым изданием нынешний вариант несколько изменен. Исключена глава «Журналист, читатель и писатель», где у автора было меньше новых материалов. Нельзя не пожалеть об этом — как и о том, что автору явно не хватает отведенного объема (кое-где ощущаются следы вынужденного сокращения). Глава требовала бы не исключения, а расширения: в ней были весьма плодотворные соображения, касающиеся одного из центральных произведений позднего Лермонтова. За счет этой главы Э. Г. Герштейн расширила главу «Лермонтов и двор», введя в нее очень существенные новые данные. Обогащена и последняя глава книги. Обо всем этом далее мы будем говорить несколько подробнее (в постраничных примечаниях).

Книга открывается маленьким предисловием и «Введением к первому изданию». Я бы их объединил, оговорив, что нового содержится в данной редакции. В «Введении» есть к тому же и устаревшие данные (так, указывается, что нам неизвестна дата окончания «Демона»; сейчас она установлена, и Э. Г. Герштейн сама же говорит об этом в книге). Их нужно уточнить, приведя в соответствие с представлениями нынешнего времени, а не 1964 года.

Глава I. «Дуэль с Барантом». Как уже говорилось, заслуга современной интерпретации этого эпизода полностью принадлежит Э. Г. Герштейн. Глава не требует никаких изменений. Стоит только подчеркнуть, что дуэль Пушкина также рассматривалась и в национальном аспекте, — (с. 22), — что, кстати, убедительно показала сама же Э. Г. Герштейн. Некоторые данные в этой связи приведены в статье А. Глассе «Дуэль и смерть Пушкина по материалам архива Вюртембергского посольства» (Временник Пушкинской комиссии, 1977. Л., 1980) и в статье автора этих строк о неизданных откликах на смерть Пушкина (Там же, 1976. Л., 1979).

Глава II. «Лермонтов и двор». Эта глава — одна из интереснейших в книге — обогащена новыми данными, добытыми Э. Г. Герштейн и опубликованными ею в сборнике «Лермонтов: Исследования и материалы» (1979). Здесь — очень точная и тонко поданная картина социального быта, в контексте которого биография Лермонтова и выглядит в первую очередь как социальная биография. С большим тактом формулируются гипотезы, которые еще требуют розысков фактического материала. Из новаций в этой главе хотелось бы обратить внимание на новую интерпретацию стих. «Как часто, пестрою толпою окружен…».

Она вызывает споры, с ней далеко не все согласны, но мне лично она кажется наиболее убедительной из всех существующих: только инерцией буквального и бытового толкования литературных текстов можно объяснить, что эти стихи по сие время понимаются как стихи о *маскараде*, в то время как маскарад в них — поэтическая метафора.

Решительное мое несогласие вызывает только характеристика Плетнева (с. 51 и след.). Мы отошли от концепции великого поэта Жуковского как «придворного поэта, воспитателя наследника», великого поэта Пушкина как «камер-юнкера» в первую очередь, — зачем же оставлять вульгарно-социологические реликты в отношении Плетнева? Кто издает *журналы* «для царей»? обычным тиражом? «Царям» нужен один экземпляр. Почему Плетнев «фальсифицировал» образ Пушкина? Потому что он не совпадает с нашим? Здесь нужен более историчный подход. Конечно, концепция Пушкина у Плетнева была консервативной, в поздние годы и реакционной, и об этом нужно сказать, но не превращать Плетнева в сервилиста, каковым он никогда не был. Следовало бы принять во внимание и отзывы Плетнева о Лермонтове — отчужденные, но доброжелательные, которые резко противоречат концепции этих страниц. Но вот что имеет к Лермонтову прямое отношение. Э. Г. Герштейн справедливо отводит обвинения Вяземского и Жуковского в искажении «Тамбовской казначейши», — но тут же переносит вину на Плетнева. Это недоразумение, которое нужно распутать. Все изменения в «Казначейше» носят не общеполитический, а локально-цензурный характер (что доказывается, между прочим, сопоставлением с вычеркнутыми строками, сохранившимися в устной передаче). Это упоминания Тамбова и присутственных мест, которые цензор обязан был вычеркивать, но которые были глубоко безразличны и издателю, и «высшему начальству». Так правилась даже «Северная пчела». Кроме Сенковского, которому Плетнев был враждебен, никто из издателей журналов не вмешивался в авторский текст: это было не принято.

Стоило бы еще раз вернуться к стр. 79, где не совсем точно интерпретированы воспоминания Тургенева. Из них не следует, что Тургенев говорит непременно о 31.XII. Мемуары Тургенева намеренно обобщены (см. примеч. к ним в Полн. собр. соч.) и упоминание о «Как часто…» появляется в них ретроспективно, о чем, кстати, он сам и говорит. На след, стр. они истолкованы гораздо точнее, в противоречии с этой гипотезой.

Глава III. «Неизвестный друг». Превосходная и широко известная работа — одно из открытий автора. Я бы упомянул только, что Дорохов был поэт, причем печатавший свои стихи: в

«Молве» 1832 и 1833 годов (стих. «Море»: 1833. № 37. С. 145); в «Сыне отечества» и «Северном Архиве» («Лезгинскому кинжалу»: 1837. Т. 183. С. 151; Там же. С. 272 — «К К-у»); в альбоме М. Дороховой есть «Валерик» Лермонтова (Ежегодник РО ПД на 1977. Л., 1979. С. 26–27).

Глава IV. «Тайный враг». Лично я несколько иначе смотрю на фигуру Васильчикова, — но это вопрос спорный, и в этом споре позиция Э. Г. Герштейн — одна из наиболее авторитетных и наиболее аргументированных. Должен сразу же сказать, что книга совершенно свободна от общераспространенного соблазна искать всюду сенсационных «тайных врагов» Лермонтова, и очень характерны в этом отношении стр. в последней главе, опровергающие версию Столыпина как «тайного врага» Л. Однако здесь все же есть элемент увлечения. Нельзя ставить в вину Васильчикову его половинчатые взгляды на крепостное право, социальные реформы, земство и т. д. (с. 181, 190–191); если уж ссылаться на В. И. Ленина, то нужно вспомнить и то, что В. И. Ленин призывал судить исторических деятелей не по тому, чего они не сделали по сравнению с последующими поколениями, а по тому, что они сделали по сравнению с предыдущим. Лермонтов ведь ничего не сделал для отмены крепостного права, а Васильчиков пусть и мало, но сделал, — так что сопоставление все же в его пользу. Но здесь есть еще один важный вопрос. То, что характеризуется как «шовинизм» Васильчикова (с. 181–185), — это очень характерный «антинемецкий» национализм, свойственный революционному движению 1820-х и 1830-х годов: антиниколаевским прокламациям Ситникова, Рылееву, Поджио, Пестелю и пр. — и «Кружку шеснадцати». Здесь нужен исторический критерий. Материалы «бурсы» Васильчикова интересны до крайности — в них есть как бы генеральная репетиция корпорации «16-ти». Стоило бы об этом подумать.

«За страницами „Большого света“», «„Родина“ и „Тарантас“» — интереснейшие главы, где появляется ближайшее *литературное* окружение Лермонтова. Кое-что здесь остается гипотетическим, — но к настоящему времени это самые авторитетные работы о взаимоотношениях Лермонтова с Соллогубом, Гагариным, кружком Виельгорских. Очень привлекательно в них тонкое ощущение литературной природы анализируемых текстов, сквозных мотивов лермонтовской прозы и лирики, самого механизма поэтической переработки бытовых реалий. Это превосходные главы, — хотя, конечно, на некоторые аспекты их проблематики можно смотреть и иначе (так, мне кажется, что пародийный план «Большого света» не всегда очевиден и что самая проблема еще требует дополнительного

анализа). Блестяще раскрыт реальный план «Штосса», — вообще, находки Э. Г. Герштейн в области творческой истории этой повести — одно из ценнейших приобретений лермонтовианы. Я намеренно уклоняюсь здесь от обсуждения тех вопросов, на которые смотрю иначе, чем автор: обсуждение это — материал не рецензии, а, может быть, целой серии научных дискуссий, в которых по крупицам будут добываться новые данные. Кстати: эта стимулирующая роль книги — одно из ее органических качеств и очень больших достоинств.

Глава о «Кружке шестнадцати» — одна из центральных в книге; она дополнена новыми данными о двенадцатом ныне известном участнике кружка — кн. Б. Д. Голицыне. Как уже говорилось, эта работа принадлежит к числу классических в нашем лермонтоведении.

Книга заключается большой главой об истории дуэли и смерти Лермонтова. Эта глава в свое время разъяснила многое в трагедии последних дней поэта; так, тщательным и убедительным анализом

Э. Г. Герштейн опровергла прочно державшуюся легенду, что причиной дуэли были якобы вскрытые Лермонтовым семейные письма. Сейчас глава дополнена материалами, появившимися в последние годы, и важным этюдом об отражении «лермонтовской легенды» в «Бесах» Достоевского. Выводы, суждения и наблюдения Э. Г. Герштейн отнюдь не утеряли своей весомости и после появления новых материалов и иных трактовок темы, — и, может быть, автору следовало бы остановиться на них несколько подробнее, дав в нужных случаях и критический их анализ (это относится и к работе автора этих строк).

Общий вывод после всех высказанных замечаний остается прежним: мы имеем дело не просто с хорошей книгой, но с книгой, уже вошедшей в классический фонд нашего литературоведения, скорейшее переиздание которой настоятельно необходимо; с книгой не требуется доработки, а небольших редакционных уточнений.

Канд. филол. наук

[В. Э. Вацуро]

Ленинград, 17 сент. 1983

Второе издание книги Э. Г. Герштейн было выпущено не «Советским писателем», а «Художественной литературой» (М., 1986). В книге отсутствуют главы «Журналист, читатель и

писатель» и «„Родина“ и „Тарантас“»; композиция несколько отличается от описанной в отзыве Вацуро. Говоря о работе «автора этих строк», Вацуро имеет в виду «Новые материалы о дуэли и смерти Лермонтова. (Письмо А. С. Траскина к П. Х. Граббе)» (см. наст. изд.). Об этой работе Э. Г. Герштейн писала Вацуро 1 октября 1974 года:

«Дорогой Вадим Эразмович,

Так как я страдаю той же болезнью, что и Вы, — нерадивостью в переписке и прочих знаках внимания, то прощаю Вам все Ваши злодеяния.

О публикации Вашей скажу без церемоний.

Письмо Траскина необыкновенно важное и интересное. Поздравляю с замечательной находкой. Любопытно также, что Тихонравов ничего с ним не сделал — этого Вы не обыграли. Впрочем, Вы человек умеренный.

Письмо Траскина хорошо ложится рядом с новой публикацией Сталины (да!) Кравченко писем Дорохова к Юзефовичу <…> переопубликованных Эйдельманом в „Комсомольской правде“.

Жаль, что в Ваш перевод вкрались неточности, подающие повод к недоразумениям: Мартынов — бывший казак Гребенского *„полка“*, а не *„войска“*. Глебов — „из конногвардейцев“, а не „из кавалергардов“. Это — разные полки, по опубликованным материалам хорошо известно, что Глебов служил в лейб-гвардии конном полку, а название „кавалергардов“ наводит на дополнительные ассоциации, т. к. Мартынов — бывший кавалергард, сослуживец Дантеса. Ваша ошибка дезориентирует читателя.

Что касается комментария по существу, меня сильно задел один пункт, даже полтора, и я хотела выступить с „репликой“ в печати, но поленилась.

Вы считаете, что „нет достаточных оснований сомневаться в показаниях Васильчикова, что он разрядил оставшийся заряженным лермонтовский пистолет“. Но у нас есть, в таком случае, достаточные основания для крайнего удивления: как мог Васильчиков уничтожить перед следствием единственное вещественное доказательство правильности показаний подсудимых? И как он смел вообще прикасаться к пистолетам? Ведь ребенок понимает, что следственные власти в случае убийства прежде всего обращаются к оружию убийцы и пострадавшего. А Вы безмятежно замечаете, что „нет оснований не доверять Васильчикову“!??

Далее: Вы противопоставляете показания „пятигорских мемуаристов“ „московским письмам“. Но Вы забыли про

железный закон: письма современников, написанные по свежим следам, достовернее воспоминаний. К тому же никаких *московских* писем о дуэли нет: у всех у них один источник, точно указанный А. Я. Булгаковым: это письмо В. С. Голицына, весьма осведомленного офицера, принадлежащего к командному составу, которое пришло в Москву уже 26 июля. Следовательно, оно написано еще до того, как Траскин передает уже официальную версию, выработанную им в оперативном порядке вместе с подсудимыми. Не будем входить в обсуждение мотивов его действий, но цель их ясна: выгородить и убийцу и секундантов, облегчить дело. Согласованность ответов Мартынова, Глебова и Васильчикова с намерениями Траскина достаточно хорошо документирована. Если бы суду стало известно, что помимо условий трех выстрелов и опаснокороткой дистанции между противниками Лермонтов еще выстрелил на воздух, ответственность секундантов была бы гораздо серьезнее. Недаром в Москве именно на основании сведений князя Голицына в один голос повторяли, что это „убийство, а не дуэль“.

Таким образом, Вы слишком легко разделались с изумительными признаниями Васильчикова. Кстати: упоминая об „иных точках зрения“ на легкомысленный или вымышленный выстрел Васильчикова после дуэли, Вы указываете на Андроникова и на меня. Но Андроников просто примкнул ко мне, и повторял мою версию и мою находку (ибо показания Васильчикова *впервые* опубликованы и осмыслены мною в 1939 г.) в своей книге, многочисленных выступлениях по телевизору и радио. Поэтому не следовало называть его имя рядом с моим, да еще на первом месте. Неверно также называть письмо Траскина „мемуарным источником“. Это — сегодняшний отклик, животрепещущий, заинтересованный, а не поздний рассказ по памяти.

Затем еще подпункта. Вы говорите о „возможных свидетелях“ дуэли, помимо Столыпина и Трубецкого. А куда они делись, эти свидетели? Разбежались и замолчали навек? Эта версия возникла на почве глухих сведений о неофициальном присутствии на месте Столыпина, Трубецкого и Дорохова. Но после того как прояснилась роль Дорохова и подтвердилось документально, что Трубецкой и Столыпин были секундантами, не названными на следствии, версия о посторонних свидетелях лишилась оснований. Я не скажу, что она опровергнута, — она растаяла и может быть возрождена только в том случае, если найдутся новые документальные данные. А до этого, по-моему, упоминать о ней не следует, так как это размывает все границы между достоверным и неподтвержденным.

В остальном — возражений не имею. Особенный интерес вызвал у меня Ваш анализ „ставропольского кружка“ и призыв изучить его подробнее.

Привет <…>».